

- Т. 1. – Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2008. – 672 с.
Т. 2. – Беларуская Энцыкл. імя П. Броўкі, 2008. – 704 с.
6. *Литвинов, П. П.* Англо-русский словарь наиболее употребительных фразеологических выражений / П. П. Литвинов. – М. : Яхонт, 2001. – 400 с.
7. *Cowie, A. P.* Oxford dictionary of current idiomatic English : Phrase, clause and sentence idioms : Vol. 2 / A. P. Cowie, R. Mackin, I. R. McCaig. – Oxford : Oxford Univ. press, 1994. – 685 p.
8. Macmillan English dictionary : for advanced learners / Macmillan Education. – 2nd ed., enlarged. – China [etc.] : Macmillan Publishers Limited; AandC Black Publishers, 2008. – 1748 p.
9. The Penguin concise English dictionary / compiled by G. N. Garmonsway with J. Simpson. – London : Claremont Books, 1995. – 842 p.

The article presents a comparative research of the phraseological representation of the concept “fear, fright” by native speakers of the Belarusian and English languages. It is concluded that the representation of the somatic reaction of the body to fear is universal for both linguistic cultures, while the representation of a person’s state of fear illustrates different and even contrasting manifestations of emotions.

Поступила в редакцию 05.09.18

Л. П. Морозова, Л. А. Федоренко

О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ *ПРЕЦЕДЕНТНОСТЬ*, *ДИАЛОГИЧНОСТЬ*, *ПОЛИФОНИЯ*

Существующие в современной научной литературе понятия *диалогичность*, *интертекстуальность*, *полифония*, *прецедентность* объединены идеей межтекстового взаимодействия, сформулированной еще в прошлом веке М. М. Бахтиным. Однако использование этих терминов не является однозначным и связано либо с отождествлением скрывающихся за ними понятий, либо с их разграничением на основе противоречивых критериев. Целью данной статьи является очертить содержание терминов *диалогичность*, *полифония* и *прецедентность*, а также предложить критерии их разграничения.

Идея межтекстового взаимодействия, сформулированная М. М. Бахтиным в виде понятия диалогизма, оказалась в научном отношении столь притягательной, что дала толчок к развитию целых направлений в исследовании текста не только в литературоведении, но и в лингвистике. При этом их создатели, отталкиваясь от общей бахтинской идеи, приходили к прямо противоположным заключениям: от постулирования «смерти автора» (Р. Барт), основанного на характерном для постмодернистов утверждении о том, что любой создаваемый текст пронизан другими, уже существующими в культуре текстами, до признания полисубъектности текстов, наличия в них наряду с авторским голосом других голосов, вплетающихся в ткань текста и придающих ему полифоническое звучание.

Межтекстовые связи нашли выражение одновременно в нескольких терминах: *диалогичность* (М. М. Бахтин), *интертекстуальность* (Ю. Кристева), *полифония* (М. М. Бахтин). Позднее российскими учеными было введено понятие прецедентного текста и прецедентности. Использование данных терминов в исследованиях межтекстового взаимодействия отличается необычайной пестротой, связанной либо с отождествлением скрывающихся за ними понятий, либо, наоборот, со стремлением их разграничить, при этом, в зависимости от автора, граница проводится по-разному и на основе разных критериев, часто прямо противоположных [1; 2; 3]. Во многих исследованиях наблюдается циркулярность определений данных понятий, т.е. определение одного из понятий дается через другое, что отнюдь не позволяет с необходимой строгостью очертить их содержание.

Расхождения в толковании современными учеными понятий *диалогичность*, *интертекстуальность*, *полифония* во многом обусловлены тем, что в своих трудах М. М. Бахтин не дает их четкого теоретического обоснования и употребляет эти термины метафорически [1, p. 25].

Циркулярность определений диалогичности и интертекстуальности наблюдается, в частности, уже в работах Ю. Кристевой, которая, развивая теорию диалога М. М. Бахтина, вводит понятие интертекстуальности, определяя ее как межтекстовый диалог. Так, для нее художественный текст – это «место пересечения текстовых плоскостей»¹, «диалог различных видов письма – самого писателя, получателя (или персонажа) и, наконец, письма, образованного нынешним или предшествующим культурным контекстом» [4, с. 428]; «...всякий текст вбирает в себя другой текст и является репликой в его сторону» [Там же, с. 432], поэтому «на место понятия *интерсубъективности* [диалога. – Л. М.] встает понятие *интертекстуальности*» [Там же, с. 429].

Вместе с тем между диалогом М. М. Бахтина и интертекстом Ю. Кристевой существует кардинальное различие, заключающееся в том, что межсубъектное взаимодействие М. М. Бахтина – «диалог сознаний» [5, с. 106] – заменяется взаимодействием текстов, самостоятельно, без участия автора, генерирующих смысл. Так, читаем у М. М. Бахтина: «логические и предметно-смысловые отношения, чтобы стать диалогическими... должны воплотиться, то есть должны войти в другую сферу бытия: стать *словом*, то есть высказыванием, и получить *автора*, то есть творца данного высказывания» [6, с. 206]. Очевидно, что утверждение Ю. Кристевой, что «такое понятие, как “лицо – субъект письма”, начинает тускнеть» [4, с. 432], не соответствует тому, как диалог мыслится М. М. Бахтиным.

При попытке теоретического обоснования содержания понятий диалогичности и интертекстуальности необходимо учитывать широкую и узкую трактовку интертекстуальности. В рамках широкой концепции, разработанной французскими постструктуралистами (Ж. Деррида, Р. Барт), интертекстуальность понимается как общий принцип существования текстов, при этом постулируется существование глобального текста культуры, в основе

¹ Здесь и далее в цитатах курсив наш. – Л. М., Л. Ф.

которого лежат множественные культурные коды. Это позволило Р. Барту утверждать: «всякий текст есть между-текст по отношению к какому-то другому тексту, но эту интертекстуальность не следует понимать так, что у текста есть какое-то происхождение: всякие поиски “источников” и “влияний” соответствуют мифу о филиации произведений, текст же образуется из анонимных, неуловимых и вместе с тем уже читанных цитат – и цитат без кавычек» [7, с. 417]. Столь широкая трактовка интертекстуальности, согласно которой «каждый текст является интертекстом», делает изучение данного явления беспредметным и не позволяет выявить определяющие его признаки в сравнении с такими видами межтекстового взаимодействия, как полифония и прецедентность.

Заслуга в теоретической разработке и систематизации межтекстовых отношений и определении содержания понятия интертекстуальность в узком значении принадлежит, как известно, Ж. Женетту, предложившему пятичленную классификацию. Согласно этой классификации интертекстуальность понимается как межтекстовое взаимодействие, при котором межтекстовые связи эксплицитно выражены, т.е. в тексте содержатся конкретные отсылки к предшествующим текстам [8]. Очевидно, что данная трактовка интертекстуальности, получившая широкое распространение в лингвистических исследованиях, существенно отличается от диалогичности М. М. Бахтина, который подчеркивал, что диалогические отношения «глубоко своеобразны и не могут быть сведены ни к логическим, ни к лингвистическим, ни к психологическим, ни к механическим или каким-либо другим природным отношениям. Это особый тип *смысловых* отношений, членами которых могут быть только *целые высказывания*... Два высказывания, отдаленные друг от друга и во времени и в пространстве, ничего не знающие друг о друге, при смысловом сопоставлении обнаруживают диалогические отношения, если между ними есть хоть какая-нибудь смысловая конвергенция (хотя бы частичная общность темы, точки зрения и т.п.)» [9, с. 303–304]. «Любые два высказывания, если мы сопоставим их в смысловой плоскости (не как вещи и не как лингвистические примеры), окажутся в диалогическом отношении» [Там же, с. 313]; «общность проблемы порождает здесь диалогические отношения» [Там же, с. 321].

Таким образом, можно сделать вывод, что, согласно М. М. Бахтину, диалогичность – это имплицитное межтекстовое взаимодействие, «смысловая перекличка» [5, с. 107].

Подобные рассуждения мы находим у французских и скандинавских авторов – исследователей наследия М. М. Бахтина. Так, анализируя термины *диалог*, *диалогичность*, *диалогизация*, Ж. Брес отмечает необходимость различать диалог как обмен репликами и диалогичность, на чем всегда настаивал М. М. Бахтин, говоря о том, что диалогические отношения не совпадают с отношениями между репликами реального диалога – они гораздо шире, разнообразнее и сложнее. Выделяя три вида диалогичности – интересубъектную, интердискурсивную и интрасубъектную, – Ж. Брес отмечает, что трудность формального выявления диалогичности в определении М. М. Бахтина («диалогические обертоны», «рефлексы других голосов») «обусловлена не поверхностным характером взаимодействия между

высказыванием автора и другими высказываниями, а, напротив, глубинным характером этого взаимодействия: оно затрагивает глубинные слои смысла и стиля»¹ [2, р. 53]. Сложность определения диалогичности в терминах языковых средств признает также представитель скандинавской школы *ScaPoLine* М. Ольсен: «Представляется, что это явление [диалогичность], которое, согласно Бахтину, характеризует некоторых авторов (Достоевского в отличие от Толстого, а также других, например, Томаса Манна), не поддается формальному определению», «...его нельзя определить в терминах языковых единиц»² [10, р. 2].

Содержание понятия *диалогичность* убедительно, на наш взгляд, раскрыто Р. Амосси. В своих рассуждениях она основывается на четком разграничении интересубъектной и интердискурсивной диалогичности. Интересубъектная диалогичность выражается, по ее мнению, в ориентации на «конструируемого» адресата, учете его знаний, верований, мнений, а также его реакций и возможных возражений. В отличие от интересубъектной, интердискурсивная диалогичность не есть преднамеренный выбор автора, при котором он берет на себя ответственность за свои высказывания, выражая свою позицию по отношению к уже существующим точкам зрения. Такого рода диалогичность является не «местом принятия решений и выработки позиций в полностью осознаваемом диалоге с другим, а тем местом, в котором индивидуальный дискурс создается в языковой среде своей культуры, ... пробивая себе дорогу сквозь то, что уже было сказано, следуя движению, частично ускользающему от четкого осознания. ... Интердискурсивная диалогичность – это канва, сформированная очевидными истинами, верованиями, представлениями, аргументами, внутри которых ориентируется говорящий субъект, для того чтобы реализовать себя в дискурсе» [3, р. 68], и она носит доксистический характер.

Таким образом, сопоставление определения *диалогичности* в работах М. М. Бахтина с ее интерпретацией перечисленными выше авторами позволяет сделать вывод о том, что эти понятия как в интересубъектном, так и в интердискурсивном измерениях не совпадают по своему содержанию с интертекстуальностью в узкой трактовке, понимаемой как эксплицитные следы присутствия одного текста в другом.

Не менее сложным оказывается определение соотношения понятий *диалогичность* и *полифония*, получивших весьма противоречивую интерпретацию в трудах ученых, развивающих идеи М. М. Бахтина. Многие современные исследователи говорят или о диалогичности, или о полифонии, забывая или игнорируя второе понятие.

Как известно, М. М. Бахтин использовал понятие *полифония* только в книге «Проблемы поэтики Достоевского», определяя это явление как

¹ Здесь и далее перевод наш. – Л. М.; Л. Ф.

² Ce phénomène [le dialogisme], qui d'après Bakhtine caractériserait certains auteurs (Dostoïevskij opposé à Tolstoï, mais d'autres aussi, comme Thomas Mann) ne semble pas pouvoir se définir formellement», «... [il] ne se laisse pas définir par des moyens linguistiques».

«множественность самостоятельных и неслиянных голосов и сознаний» [6, с. 3]. Очевидно, что полифония отнюдь не тождественна тому содержанию, которое М. М. Бахтин вкладывал в понятие диалогичности.

В работах французских и скандинавских исследователей, разрабатывающих теорию полифонии применительно к разным типам дискурса, в основном проводится линия на разграничение диалогичности и полифонии: полифония понимается как «актуализация нескольких голосов в одном и том же тексте» [10, р. 3], как «множественность голосов в высказывании» [1, р. 25]. Характерны при этом существенные расхождения в понимании явлений диалогичности и полифонии: одни авторы ограничивают сферу полифонии художественными текстами и рассматривают ее как художественный метод, используемый в романах; диалогичность определяется ими как свойство высказывания в любых типах текстов [1, р. 25]. Другие, напротив, считают, что способность к актуализации нескольких голосов в рамках одного высказывания – полифония – заложена в самом языке и наблюдается в рамках отдельного высказывания в разных стилях и жанрах [3; 11; 12; 13].

Убедительными представляются критерии разграничения диалогичности и полифонии, предложенные Р. Амосси. Как уже было сказано, по ее мнению, в основе интердискурсивной диалогичности лежит *doxa*, поскольку отношение любого высказывания к предыдущим высказываниям проявляется в подчиненности речи общим представлениям, мнениям, верованиям. Поэтому известный пример О. Дюкро *Pierre a cessé de fumer* ‘Пьер бросил курить’ иллюстрирует не полифонию, а диалогичность. В этом высказывании нет другого «голоса», сообщающего о том, что Пьер курил: говорящий исходит из знания, присутствующего в пресуппозиции и разделяемого адресатом. В то же время высказывание выражает мнение говорящего субъекта, имеющее доксическую основу, которая и обеспечивает его возможность. Действительно, оно имеет смысл только потому, что существует общее представление о вреде курения. Точно так же коммуникативно приемлемым оказывается высказывание *Pierre a cessé de boire* ‘Пьер бросил пить’ в отличие от *Pierre a cessé de manger* ‘Пьер бросил есть’. Из этого она делает вывод: диалогичность проявляется в том, что «говорящий одновременно состоит из слов Другого, проникающих в него без его воли», тогда как полифония имеет место в том случае, когда «субъект преднамеренно мобилизует голоса и точки зрения с целью оказания воздействия на адресата» [3, р. 69].

Согласно исследованиям, проведенным на материале различных типов дискурса, полифония достигается за счет полисубъектности (множественности повествующих инстанций) [14], а в моносубъектном дискурсе – путем прямого и косвенного цитирования; металингвистического отрицания [13], общих вопросов; использования дейктиков, эмоционально окрашенной и оценочной лексики, посредством которых повествующая инстанция (говорящий субъект – *субъект знания*) параллельно формирует собственное умозаключение и самоидентифицируется как *субъект оценки* и *субъект модуса* [15, л. 51].

Если рассматривать проблему соотношения полифонии и интертекстуальности (в узком значении), то очевидно, что эти два понятия пересекаются в той части, в которой речь идет об эксплицитно выраженных межтекстовых связях, т.е. конкретных отсылках к предшествующим текстам в виде прямого и косвенного цитирования. В таком случае интертекстуальность оказывается одним из средств создания полифонии.

Что касается прецедентности, то это понятие обнаруживает самую тесную связь с интертекстуальностью, обладая при этом рядом признаков, отличающих его от полифонии и характеризующих его как особый вид межтекстового взаимодействия. Прецедентность понимается как специфическая разновидность «цитирования», которая выделяется на основе особых критериев, в частности таких, как способность актуализировать в сознании говорящего субъекта скрытые смыслы, а также эмоциональная и познавательная значимость [16; 17, с. 82; 18, с. 29]. Для прецедентности характерен семиотический способ существования, «когда обращение к оригинальному тексту дается намеком, отсылкой, признаком, и тем самым в процесс коммуникации включается либо весь текст, либо соотносимые с ситуацией общения или более крупным жизненным событием отдельные его фрагменты» [16, с. 217]. Таким образом, отличительной чертой прецедентности следует считать свернутость содержания, актуализируемого в «принимающем» дискурсе прецедентной единицей, которое раскрывается путем рождаемых ею ассоциаций, при этом прецедентные единицы представлены не только прецедентными высказываниями, но и прецедентными именами, названиями, датами, аллюзиями.

Явления диалогичности, полифонии и прецедентности обнаруживаются в различных типах современного дискурса и наиболее наглядно представлены в медийном, в частности телевизионном, дискурсе, поскольку отвечают задачам, которые ставят перед собой создатели медиадискурса. Они позволяют, с одной стороны, донести свою точку зрения до аудитории, используя при этом минимальные лексические средства в условиях ограниченного времени; с другой – скрыть свою субъективность, ссылаясь на авторитет третьих лиц, включить в свою речь языковые коды, которые будут понятны только определенной категории адресатов, сделать ссылку на уже существующие тексты или события.

Как уже было отмечено, одним из средств создания полифонии является прямое и косвенное цитирование, которое также входит в число способов апеллирования к прецедентным текстам. Совпадая по форме, цитирование, придающее словам говорящего субъекта полифоническое звучание, и цитирование как явление прецедентности различаются объемом содержания и функцией. Рассмотрим это на примерах из французских телевизионных ток-шоу.

Так, в ток-шоу «On n'est pas couché» накануне президентских выборов один из приглашенных участников, бывший заместитель председателя Национального фронта, Флориан Филиппо доказывает, что Национальный фронт разработал достойную программу для будущего Франции: *On va continuer à convaincre sur nos idées, parce que j'ai le sentiment que dans cette*

campagne présidentielle, on sera les seuls, en tout cas parmi les grands candidats, à avoir un vrai projet pour la France, cohérente, « une vision », comme disait Rama Yade. Elle a dit : « Marine le Pen est la seule candidate à avoir une vision pour la France, les autres sont les gestionnaires ‘Мы будем продолжать убеждать в своих идеях, потому что у меня впечатление, что в этой президентской кампании мы единственные, во всяком случае, среди серьезных кандидатов, у кого есть реальный проект для сплоченной Франции, «видение», как говорит Рама Яд. Она говорит: «Марин ле Пен является единственным кандидатом, у кого есть видение Франции. Все остальные – просто управляющие»’.

Здесь Ф. Филиппо цитирует видного политика Раму Яд с целью придания большей авторитетности и объективности своей точке зрения. Объем смыслового содержания данной цитаты не выходит за пределы семантико-синтаксического содержания цитируемого высказывания. Цитата эксплицитна, так как говорящий субъект преднамеренно апеллирует к голосу авторитетной личности, чтобы оказать воздействие на аудиторию.

Голос Другого для создания полифонии может также вводиться посредством косвенного цитирования. Как и в случае с прямым цитированием, косвенное цитирование эксплицитно. Например, в ток-шоу «On n’est pas couché» Ян Муакс, обращаясь к министру комплексных экологических преобразований, говорит: *Vous vous inscrivez un peu dans la mouvance de Léon Bourgeois qui a fondé le mouvement solidariste. Il considérait que l’individu isolé n’existant pas, il fallait pratiquer une politique de la main tendue et que la solidarité était quelque chose qui se constituait de droits et de devoirs* ‘Вы частично вписываетесь в направление Леона Буржуа, который основал движение солидаризма. Он считал, что в силу того, что отдельный индивид не существует, нужно проводить политику помощи, и что солидарность состоит из прав и обязательств’. В высказывании Яна Муакса отчетливо слышится голос Леона Буржуа, лауреата Нобелевской премии мира за 1920 год. Ведущий апеллирует к его авторитету, чтобы подкрепить собственную точку зрения, когда речь идет о том, что нужно исключить деление общества на тех, кто живет в пределах Парижа, и тех, кто живет за чертой кольцевой дороги.

Прецедентное цитирование представляет собой цитирование иного рода: оно имплицитно и всегда актуализирует скрытый смысл, обладая при этом познавательной и эмоциональной значимостью. Так, например, ведущий ток-шоу «Salut les terriens», Тьерри Ардиссон, комментируя речь французского президента Эммануэля Макрона в защиту Европы, характеризует ее следующим образом: *Le discours de Macron sur l’Europe, c’est courageux. Son centre cède, sa droite recule, la situation est excellente, il attaque* ‘Речь Макрона о Европе – это смелый поступок. Его центр теряет позиции, правый фланг отступает, ситуация превосходная, он идет в атаку’. Изначально это высказывание принадлежит генералу Ф. Фошу во время Первой мировой войны при сражении на Марне, которое принесло победу Франции: *Mon centre cède, ma droite recule, la situation est excellente, j’attaque* ‘Мой центр сдает позиции,

правый фланг отступает, ситуация превосходная, я иду в атаку'. Цитата, приводимая Т. Ардиссоном, обладает всеми признаками прецедентности: 1) она имплицитна и требует знания первоисточника; 2) знание авторства и ситуации, в которой эта фраза была произнесена, позволяет понять скрытый смысл – за этим высказыванием последует победа; 3) цитата основывается на игре слов, которая создает параллельность контекстов: Э. Макрон использует выгодную для него политическую ситуацию в стране, потому что центр (т.е. центристы) сдал свои позиции на выборах, правые «отступили», потерпели поражение. Ситуация «отличная», и Э. Макрон может идти в политическое наступление. При этом, как и в случае с генералом Фошом, у него есть шансы на успех. Эта прецедентная цитата, в отличие от прямого и косвенного цитирования при полифонии, имеет несомненную познавательную значимость, поскольку оживляет в сознании адресата реальную историческую ситуацию.

Прецедентные цитаты различаются степенью известности и, соответственно, доступностью для понимания. Широко известные цитаты, ставшие афоризмами, часто подвергаются перефразированию, как, например, в комментарии журналиста Эмерика Карона по поводу ораторских качеств Марин ле Пен: *Je ne l'ai pas trouvée bonne oratrice pendant les débats* 'Я не увидел в ней хорошего оратора во время дебатов'. В ответ издатель и телеведущий Эрик Нолло возражает: *Sur ce plateau il y a des représentants de l'école philosophique qui dit : « Je parle donc je suis »* 'В этой студии есть представители философской школы, которая считает: «Я говорю, значит, я существую»'. Несмотря на то что цитата вводится посредством прямой речи, она остается имплицитной. Первоначальное высказывание принадлежит Рене Декарту *Je pense, donc je suis* 'Я мыслю, значит, я существую'. Перефразированная цитата – квазичитата – не только указывает на параллельность контекстов, но и привносит в высказывание иронический оттенок. Противопоставляя способность мыслить, сущностную характеристику человека, способности говорить, Э. Нолло выражает негативное отношение к политикам, которые за красивыми речами скрывают свою неспособность мыслить и действовать.

Диалогичность, понимаемая как имплицитная межтекстовая связь, как «смысловая перекличка» [5, с. 105–116], не имеет, как уже было сказано, специфических способов языкового выражения. В медийном дискурсе она проявляется в том, что в высказываниях аксиологического содержания имплицитно отражаются официальные или неофициальные, но принимаемые всем обществом, политические или идеологические убеждения, оценки, верования, которые не обязательно имеют объективные основания. Так, в одном из выпусков ток-шоу «On n'est pas couché» французская певица и актриса Франсуаза Арди, комментируя происходящие в Сирии события, говорит: *Evidemment, il y a une utilisation des armes chimiques. Cela justifie des frappes* 'Ясно, что имеет место использование химического оружия. Это оправдывает авиаудары'. А ведущий Лоран Рюкье продолжает: *Cela reste quand même son peuple contre lequel il (Bachar) est en guerre aujourd'hui et contre lequel il utilise les armes chimiques* 'Башар ведет войну против своего же

народа, против него он использует химическое оружие'. В обоих высказываниях просматривается распространяемое официальными кругами через средства массовой информации представление о том, что Башар Асад тиран, враг своего народа и поэтому нужно его уничтожить. Это оправдывает бомбежки, даже если под бомбами погибают мирные жители, и дает основание принимать как аксиому тот факт, что использовалось химическое оружие, не требуя для этого никакого объективного расследования и подтверждения.

Рассмотренные нами дискурсивные явления направлены на решение разных коммуникативных задач: если в задачу прецедентности входит сказать многое, используя при этом штрихи, коды, отсылки, то задача полифонии заключается в том, чтобы дать возможность максимально отчетливо услышать голоса, вплетенные в конечное высказывание. Поэтому центральными понятиями в прецедентности выступают прецедентные феномены и апеллирующие к ним прецедентные единицы, тогда как в полифонии центральными понятиями оказываются участники коммуникации и высказываемые ими точки зрения. В отличие от полифонии и прецедентности, диалогичность предстает как непреднамеренная «перекличка» смыслов, в основе которой лежит существующая в обществе на определенном этапе система представлений и верований.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Nowakowska, A.* Des textes russes de M. Bakhtine à la linguistique contemporaine / A. Nowakowska // Dialogisme, polyphonie: approches linguistiques / Centre culturel intern. de Cerisy-la-Salle ; ed.: J. Bres [et al.]. – Paris, 2010. – P. 19–33.
2. *Bres, J.* Savoir de quoi on parle: dialogue, dialogal, dialogique / J. Bres // Dialogisme, polyphonie: approches linguistiques / Centre culturel intern. de Cerisy-la-Salle ; ed.: J. Bres [et al.]. – Paris, 2010. – P. 46–71.
3. *Amossy, R.* De l'apport d'une distinction: dialogisme vs polyphonie dans l'analyse argumentative / R. Amossy // Dialogisme, polyphonie: approches linguistiques / Centre culturel intern. de Cerisy-la-Salle ; ed.: J. Bres [et al.]. – Paris, 2010. – P. 63–73.
4. *Кристева, Ю.* Бахтин, слово, диалог и роман / Ю. Кристева // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / пер. с фр., сост., вступ. ст. Г.К. Косикова. – М.: ИГ «Прогресс», 2000. – С. 427–457.
5. *Кремнева, А. В.* Основные направления интертекстуальных исследований и возможные перспективы дальнейшего изучения проблемы межтекстового взаимодействия / А. В. Кремнева // Известия ВГПУ. Филол. науки. – 2017. – № 3. – С. 105–116.
6. *Бахтин, М. М.* Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин // Собр. соч.: в 7 т. – М.: Рус. словари: Языки слав. культуры, 2002. – Т. 6: Проблемы поэтики Достоевского. – 800 с.
7. *Барт, Р.* Избранные работы. Поэтика. Семиотика / Р. Барт. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.

8. *Женетт, Ж.* Палимпсесты: литература во второй степени / Ж. Женетт. – М. : Наука, 1982. – С. 213.
9. *Бахтин, М. М.* Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 424 с.
10. *Olsen, M.* Remarques sur le dialogisme et la polyphonie / M. Olsen // Polyphonie – linguistique et littéraire: Documents de travail. – Nov. 2002, No 6: Les polyphonistes scandinaves. – Samfundslitteratur Roskilde. – P. 1–3.
11. *Ducrot, O.* Description argumentative et description polyphonique: le cas de la négation / O. Ducrot, M. Carel // Le sens et ses voix: dialogisme et polyphonie en langue et en discours : actes du colloque / ed. L. Perrin. – Paris, 2006. – P. 215–242.
12. *Anscombe, J.-Cl.* Les objets de la polyphonie / J.-Cl. Anscombe // Français moderne. – 2006. – Vol. 74. – P. 30–61.
13. *Nølke, H.* Types d'êtres discursifs dans la ScaPoLine / H. Nølke // Lang. française. – 2009. – Vol. 164. – P. 61–97.
14. *Харитонов, О. А.* Композиционный полифонизм: генезис и структурные модификации: на материале романной прозы XIX–XX веков : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.08 / О. А. Харитонов. – Елец, 2009. – 170 л.
15. *Лопунова, О. В.* Полифоничность французского новостного телевизионного дискурса в функциональном аспекте: дис. ... канд. фил. наук: 10.02.05 / О. В. Лопунова. – Минск, 2014. – 129 л.
16. *Караулов, Ю. Н.* Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : URSS, 2010. – 264 с.
17. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов / В. В. Красных [и др.] // Язык, сознание, коммуникация: сб. науч. ст./ редкол.: В. В. Красных [и др.]. – М., 1997. – С. 82 – 103.
18. *Слышкин, Г. Г.* Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г. Г. Слышкин. – М.: Academia, 2000. – 139 с.

The notions of dialogism, polyphony and precedence are associated with the idea of intertextual interrelation put forward by M.M. Bakhtin. The use of these terms is not synonymous and is connected either with the identification of their hidden meanings or with their differentiation on the basis of contradictory criteria. The aim of the article is to define the content of the terms *dialogism*, *polyphony* and *precedence* and suggest criteria for their differentiation.

Поступила в редакцию 26.07.18

Т. А. Сысоева

ПРИМЕР В ПОДДЕРЖКУ АВТОРСКОГО МНЕНИЯ: АПЕЛЛЯЦИЯ К ФАКТУ В МЕДИАТЕКСТЕ

В статье рассматривается апелляция к факту как необходимое условие успешной аргументации в медиатексте аналитического характера. Сопоставление текстов жанра газетной дискуссии из белорусских и американских изданий позволило заключить, что в ходе рассуждений авторы публикаций приводят примеры, маркируя их соответствующими языковыми средствами, при этом они обращаются как к личному опыту, так